

Декабря 18 (31)

Священномученик
Илия Бенеманский

Служитель Церкви, воин Христов, пастырь добрый – таким был священник Илия Бенеманский. Господь щедро оделил его талантами. Он был искренним в своем ревностном служении Богу и обладал даром проповеди, которая оживотворяла сердца, пробуждая в душах стремление к жизни вечной.

Священномученик Илия родился 14 декабря 1883 года в Твери в семье священника Илии Бенеманского. В 1899 году он окончил Тверское Духовное училище, а в 1905 году Тверскую Духовную семинарию и был направлен служить в армию. Год он служил при армейской церкви псаломщиком, около полутора лет – дьяконом, а в 1908 году был рукоположен в сан священника и направлен в 13-й гренадерский полк. В 1916 году он отправился на фронт с Волынским полком и здесь пробыл до крушения монархии и развала армии. В 1917 году о. Илия вернулся на родину и стал служить в храме во имя святого благоверного князя Александра Невского при станции Тверь, где среди прихожан было много рабочих депо и железнодорожников.

Для него новая власть с самого начала явилась гонительницей. В рабочем районе при станции, где жили в основном семьи рабочих депо и железнодорожных служащих, был мальчик пятнадцати лет Петр Иванов. Несмотря на юный возраст, у него был вид человека порочного; даже своим внешним обликом он наводил на школьников ужас. За лазанье по чужим садам отец не раз наказывал его, сажал в сарай под замок, но так и не смог отучить от воровства. Подросток предпочитал воровать и бездельничать, и на этом поприще искал себе приложение. Коммунистическая идея оказалась наиболее для него подходящей. Нашлись и взрослые, которые поддерживали и похвалили его. Так он вступил в Российский Коммунистический Союз Молодежи и принялся за создание в школе, где учился, коммунистической ячейки. 21 января 1920 года он пришел в класс и узнал, что большинство учеников были на праздник Крещения в храме, и будто бы священник о. Илия говорил, что есть столь развращенные дети, которые уже сейчас не веруют в Бога, и назвал Петра Иванова, а затем посоветовал родителям присматривать за своими детьми и воспитывать их. По-видимому, священник сказал это не с церковного амвона, а непосредственно родителям, в особенности тем, чьи дети жаловались на то, что дерзкий подросток открыто кощунствует и поносит святую Церковь.

Узнав, что его поступки начинают обсуждаться публично, Петр написал в комсомольскую ячейку заявление, которое через губернский коммунистический союз молодежи 25 января 1920 года было передано в губернскую чрезвычайную комиссию. Он писал: «Мои родители узнали через полмесяца, что я член РКСМ, стали меня проклинять, говорить, что я мал, что мне рано быть членом СМ. Я принужден был покинуть дом. После этого родители опять взяли меня. Весною при мобилизации я просился, чтобы меня взяли на фронт, но я, мол, должен был помириться, и меня не взяли. Опять старая жизнь, опять гнет от родителей за то, что я член РКСМ, за то, что я в школе был организатором ячейки. Но я шел и только одно желал, чтобы жизнь изменилась... идти туда, к светлому будущему, к коммунизму. Слышал я упреки от родителей, что я не работаю, что я живу на

отцовской шее, но я был непоколебим, я все выносил. Теперь осенью я перешел в школу железной дороги, я там организовал политкружок имени Урицкого, я стал работать в школе, то есть агитировать. И не мог равнодушно смотреть на все поповские проделки. Я стал вести ряд митингов в школе, где все нити поповской лжи объяснял учащейся молодежи железнодорожной школы. Один из попов Александро-Невской церкви Бенеманский, попросту говоря молодой батюшка о. Илия, 19 января 1920 года после ранней литургии в проповеди рассказал, что я не верю в Бога, что я член РКСМ, что я выступаю оратором на митингах как в школе, так и в РКСМ станционного района, спросил, нет ли моих родителей и предупредил моего брата, что если он, молодой батюшка, узнает наш помянник, то он его не будет поминать, то есть попросту всех нас, из-за меня, предал анафеме антихристу и предупредил других родителей, что если есть у них дети, то следите за ними, чтобы они не вступили в РКСМ... Попросту говоря, повел агитацию против РКСМ. Надо принять меры, и чтобы таких агитаторов антисоветских в республике не было».

По получении письма секретно-оперативный отдел 29 января послал сотрудника Тверской ЧК для расследования. Тот пришел в школу, где учился подросток, который повторил все написанное им в заявлении. Был допрошен брат Петра Иванова, Иван, который хотя и был за ранней обедней 19 января, но не подтвердил ни доноса своего брата, ни его показаний, будто бы о. Илия после литургии говорил проповедь против комсомола. Был вызван диакон Александро-Невского храма Федор Лебедев, который также отрицал правдивость показаний подростка. Наконец следователь допросил о. Илию Бенеманского. Священник сказал: «19 января 1920 года я служил за ранней обедней. Проповедь говорил на тему праздника. Против власти ничего никогда не говорил и не могу даже говорить. Против Союза Молодежи ничего не говорил».

6 февраля следственный отдел Тверской ЧК дал свое заключение. Несмотря на то, что оговор священника не был доказан, следователи написали: «19 января после богослужения священник Бенеманский в своей проповеди коснулся вопроса поступления юношей в Союз Молодежи РКП, причем персонально указал на одного из членов означенного Союза, Петра Степановича Иванова, называя его богоотступником и увещевая тех, у кого есть дети, всячески противодействовать их поступлению в Союз. Причем в виде угрозы, сказал, что если попадется в церкви поминание Иванова и если он его узнает, то поминать не будет. Кроме того, тут же говорил младшему брату Иванова, Ивану Иванову, чтобы он не был таким, как брат. Принимая во внимание, что выступление священника перед массой в церкви носит агитационный характер и вносит дезорганизацию в строительство Союза РК Молодежи... священника Александро-Невской церкви Илию Бенеманского на первый случай за антикоммунистическую агитацию подвергнуть аресту при трудовой коммуне сроком на один месяц».

9 февраля состоялось заседание Тверской Чрезвычайной Комиссии, на котором было постановлено: «Священника Бенеманского заключить в концентрационный лагерь до окончания гражданской войны». 13 февраля Тверская ЧК отправила начальнику Тверской городской милиции распоряжение: «Священника Александро-Невской церкви Бенеманского препроводить в концентрационный лагерь».

20 февраля рабочие и служащие станции Тверь отправили заявление в Губернскую Чрезвычайную Комиссию. Они писали: «По состоявшемуся постановлению ГЧК священник станционной церкви Илия Бенеманский арестован

на неопределенное время, якобы за контрреволюционную пропаганду, выразившуюся в том, что он, говоря проповедь, сказал, чтобы родители не пускали детей своих под праздники в театр, а посылали бы их в церковь, что-то в этом роде. Мы, прихожане станционной церкви, знаем священника Бенеманского более трех лет и, бывая в церкви почти каждый праздник, не слышали никогда ничего подобного, да и было бы глупо говорить в храме какие-то контрреволюционные речи и в то же время знать, что есть и могут быть в церкви и такие люди, которым не по душе будет таковая речь... Кроме того, мы, прихожане, утверждаем, что донесший на священника Бенеманского мальчик Петр Иванов известен в станционном районе как мальчик испорченный и бывший уже не раз замечен в худых делах... Все вышеизложенное могут подтвердить свидетели... Мы, представители станционного района, просим ГЧК о пересмотре настоящего дела, и не найдет ли возможным ГЧК условно освободить священника Бенеманского на поруки всего населения района, при этом мы утверждаем, что он, Бенеманский, не мог быть контрреволюционером и никогда не будет».

Получив письмо от рабочих, Чрезвычайная Комиссия, зная абсурдность обвинений против священника, через несколько дней, 23 февраля, собрала новое заседание, где постановила: «В изменение постановления священника Бенеманского подвергнуть аресту в административном порядке сроком на один месяц, считая срок со дня ареста». Через месяц священник был освобожден из Тверского концентрационного лагеря.

Через два года началось новое гонение на Православную Церковь, проводившееся на этот раз под предлогом изъятия церковных ценностей. В 1922 году о. Илия был арестован ГПУ вместе с духовенством сразу после богослужения в Ниловой пустыни и заключен на полторы недели в тюрьму.

Прошли судебные процессы в Петрограде и Москве; в Твери за сопротивление захвату церковью обновленцами были арестованы и высланы в Среднюю Азию епископ Петр (Зверев) и некоторые священники и миряне. Тверское ГПУ считало своим долгом напрямую поддерживать обновленцев, помогать им отбирать у православных храмы, всячески способствуя тому, чтобы православие в Твери было заменено обновленчеством. Начальник секретного отдела ГПУ Юсов разрешил тверским священникам собраться для того, чтобы создать инициативную группу по борьбе за обновление Церкви. Духовенство собралось в доме протоиерея Павла Невского. Были священники Николай Рождественский, Василий Владимирский, Александр Троицкий и другие. Обсуждались вопросы о созыве собрания двух благочиний с участием мирян и о том, нужно ли участвовать в Соборе обновленцев в Москве. Решили всё же послать своих делегатов, но предварительно каждый священник должен был оповестить свой приход – будут ли согласны с этим прихожане.

Между тем у обновленцев был свой план: они предполагали захватить кафедральный собор, а затем провести выборы нового главы епархии, которым должен был стать бывший Тверской викарий, епископ Александр (Надеждин). Собрание планировалось провести в кафедральном соборе 28 марта. Объявления о предстоящем собрании духовенства в соборе были расклеены по городу; обновленцы, зная о поддержке их гражданскими властями, почти не сомневались в успехе. К концу вечерней службы, в начале восьмого часа, когда молящиеся еще не разошлись, в собор пришли представители ВЦУ: уполномоченный ВЦУ – священник Сергей Раевский, священник Бурмистров, обновленческий епископ

Александр с сыном, священником Юрием Надеждиным, священник села Пречистого Бора Алексей Озеров и престарелый протоиерей Николай Троицкий. Когда последний вошел в собор и проходил мимо молящихся, направляясь к алтарю, одна из женщин с искренним сожалением сказала священнику: «Напрасно вы, отец Николай, пришли сюда...»

Когда обновленческие священники собрались в алтаре, выяснилось, что хотя православное духовенство собора настроено к ним мирно, однако молящиеся вовсе не собираются покидать собор, а следовательно, могут возникнуть трудности с объявлением перехода кафедрального собора в ведение обновленческого ВЦУ, а также и с «выборами» епископа Александра на роль главы Тверской епархии и лишением кафедры архиепископа Тверского Серафима (Александрова), так как по церковным канонам два архиерея не могут занимать одну кафедру.

Видя, что дело не клеится, на амвон вышел уполномоченный ВЦУ священник Бурмистров и попросил всех молящихся разойтись, но никто с места не двинулся. Тогда он вошел в алтарь и, обращаясь к священникам собора, попросил, чтобы кто-нибудь из них вышел и умиротворил толпу, объяснив, что власти дали разрешение на собрание одного духовенства, без мирян. Из находившихся в алтаре вышел высокий молодой человек, врач, старший санитарный инспектор при губернском отделе здравоохранения Михаил Благовещенский. Отделившись от группы священников, он сказал обновленцам:

– Зачем вам священник? Я член соборного совета.

– Объявите с амвона, что сегодня собрание только духовенства и попросите всех мирян покинуть собор. Общее собрание духовенства с мирянами будет в воскресенье.

Выйдя на амвон вместе с Бурмистровым, Михаил Благовещенский сказал:

– Уполномоченный ВЦУ Бурмистров приказывает всем разойтись, так как сегодня собрание для духовенства. В воскресенье будет общее собрание с мирянами.

После этих слов в соборе поднялся крик: «Не надо нам ВЦУ!» Обновленческий священник Алексей Озеров попытался успокоить толпу, но ничто не помогало, шум становился все сильнее, кое-кто уже пытался схватить священника Бурмистрова за одежду, чтобы стащить его с солеи, так что Бурмистров и Озеров вынуждены были скрыться в алтаре. Толпа прихлынула к царским вратам, несколько прихожан-мужчин прошли в алтарь. Вошедшие потребовали, чтобы Раевский немедленно покинул храм. Он отказался и быстро присоединился к группе обновленцев, отчасти испугавшись, а отчасти надеясь, что требования вошедших не будут простирались на всех, тем более что среди них находился престарелый архиерей. Но вошедшие подошли к обновленцам вплотную и грозно потребовали, чтобы они немедленно вышли из храма. Первыми пошли к выходу епископ Александр и священник Юрий Надеждин, за ними – протоиерей Сергей Раевский, за которым последовали протоиерей Бурмистров и другие. Весь их путь сопровождался проклятиями, кого толкали в спину, кого дергали за рясу. Видя, что проиграли и сами оказались в угрожающем положении, обновленцы как можно скорее старались покинуть собор.

На следующий день все они составили докладные записки в Тверское Епархиальное Управление (обновленческое) для дальнейшего ознакомления с ними сотрудников ГПУ, а протоиерей Бурмистров написал заявление непосредственно начальнику Тверского ГПУ.

Епископ Александр в своей записке писал: «Вчера, 28 марта, в тверском кафедральном соборе произошло невероятное для нашего времени событие. Собравшаяся буйная мятежная толпа, преимущественно из женщин и детей, сорвала назначенное на сей день собрание духовенства и насильственно вывела из святого алтаря все негодное ей духовенство во главе со мною. При этом у сопровождавшего меня моего сына одна из истеричных женщин вырвала из рук картонку, в коей находился мой клобук и перчатки, избила несколькими ударами моего сына, наносила мне словесное оскорбление... Думаю, что все это произошло не без влияния сторонних лиц, вполне для сего организованных. Я считал бы необходимым указать на насельников Желтикова монастыря (монашествующих) во главе с их руководителем архимандритом Иннокентием, которые безусловно агитаторски действуют среди рабочих фабричных масс».

Протоиерей Сергей Раевский в докладной записке писал: «Архиепископа толкали в спину кулаками, меня дергали за рясу и подставляли ноги, чтобы уронить. С этой же целью одна женщина схватила за наперсный крест и разорвала цепочку. Где находится крест с разорванной на части цепочкой – не знаю. По выходе из собора я отправился вместе с архиепископом Александром за Тьмаку, слушая все время ругательства. Проходя мост, архиепископ с сыном вскочили в трамвай, и я остался один... На съезжей улице случайно встретился милиционер, который приказал провожавшей меня толпе разойтись, и я благополучно добрался до гостиницы коммунального отдела».

Уже на следующий день, 30 марта, ГПУ арестовало священников Василия Владимирского, Николая Рождественского, Павла Невского, Николая Флерова, диакона Петра Романова и случайно оказавшуюся в соборе женщину Прасковью Лысенко. 14 апреля ГПУ арестовало священников Александра Троицкого, Илию Бенеманского и мирянина Михаила Благовещенского.

Спрошенный о своем участии в беспорядках и бунте в соборе, о. Илия отвечал: «В момент происходившего бунта в соборе, 28 марта, я был повесткой вызван в ГПУ; здесь я пробыл до десяти часов вечера, и в соборе я не был. В инициативной группе я себя считать состоявшим не могу...

В среду, 28 марта, днем ко мне пришел какой-то мужчина, откуда – не знаю, принес протокол инициативной группы. В числе инициативной группы в протоколе была указана моя фамилия, и мне предлагалось подписать протокол. Протокол я не подписал. К протоколу был приложен листок с объявлением о собрании духовенства в соборе 28 марта. На собрание в этот вечер мне в собор прийти не удалось, так как я вовсе не собирался, да кроме того, вызван был в ГПУ к шести часам вечера, где я был до десяти часов вечера».

На следующий день после ареста священников прихожане Скорбященской церкви послали в ГПУ заявление: «В ночь на 30 марта арестован священник Скорбященской церкви Николай Флеров. Ввиду предстоящего праздника Пасхи и Страстной недели мы, нижеподписавшиеся прихожане Скорбященской церкви, просим освободить священника Николая Флерова под наше личное поручительство». О том же просили крестьяне деревень Новой Константиновки и Бычково, у которых духовным пастырем был о. Николай Рождественский. «Ввиду его ареста, – писали они, – мы остались без духовника на такой великий для нас праздник Пасхи. Мы, как верующие, убедительно просим его освобождения».

Вместо того чтобы освободить ни в чем не повинных, даже с точки зрения государственной власти, священников, ГПУ нарядило новое следствие, пытаясь

выяснить – кто был инициатором составления писем, где и как эти письма подписывались прихожанами храмов.

1 апреля, в Вербное воскресенье, прихожане Скорбященской церкви стали просить диакона Иоанна Архангельского, чтобы он отредактировал заявление в ГПУ об освобождении на Пасху священника, что он и сделал. Подписи были собраны мгновенно. ГПУ попыталось узнать, не заплатили ли сборщику и не было ли под заявлением поддельных подписей, но выяснить это не удалось, и дело пришлось прекратить.

4 апреля 1923 года начальник секретного отделения Тверского отдела ГПУ Юсов написал обвинительное заключение по «делу» священников: «...имеющиеся материалы и показания обвиняемых в достаточной степени изобличают их заговорщическую деятельность в инициативной группе, а посему полагаю: ...перевести под стражу в Тверской исправительный дом... Принимая во внимание вышеизложенную деятельность обвиняемых и согласуясь с приказом СО ГПУ № 218280, считаю необходимым просить ГПУ применить меру наказания вышепоименованных обвиняемых – заключение в лагерь...» на три года.

Находившийся в это время в Москве архиепископ Тверской Серафим начал со своей стороны хлопотать об освобождении священников, и 10 апреля начальник 6-го отделения секретного отдела ГПУ Тучков потребовал, чтобы обвиняемые были переведены в Москву. Так священники оказались в Бутырской тюрьме.

В апреле сотрудница ГПУ допросила арестованных священников. Священник Павел Невский сказал: «Меня обвиняют в участии в нелегальном собрании, но это собрание было созвано по инициативе уполномоченного губернского отдела ГПУ. Что же касается будирования масс, я себя виновным в этом не признаю и во всем обвиняю живоцерковников: Раевского, Троицкого Николая и других. В беспорядках в церкви участия я не принимал».

Священник Николай Флеров сказал: «Я членом инициативной группы не состоял и на собрание 28 марта приглашен не был, и никто мне об этом не сообщал».

Священник Александр Троицкий пояснил: «Меня обвинили в участии в нелегальном собрании, но это собрание было словесно разрешено Юсовым, следователем губернского отдела ГПУ».

Священник Илия Бенеманский на вопросы следователя ответил: «Участия в созыве нелегального собрания я не принимал, хотя и приходил на квартиру Невского, но уже пришел после свершившегося факта, массу я не будировал и 28 марта на собрании не был, так как был вызван в ГПУ».

21 апреля сотрудница ГПУ составила заключение: «Дело возникло в Тверском губернском отделе ГПУ на основании агентурного материала о том, что вышеназванные попы будировали массы против Живой церкви. Принимая во внимание, что материалов, компрометирующих их как контрреволюционеров, в деле не имеется, полагала бы Владимирского В.И., Рождественского Н.И., Флерова Н.А., Невского П.И., Троицкого А.Н. и Бенеманского И.И. из-под стражи освободить. Дело следствием прекратить».

Начальник отдела ГПУ Самсонов сделал, однако, свою приписку: «Из-под стражи освободить под подписку о том, что они безвыездно будут проживать по месту жительства и по первому требованию будут являться в губотдел и объявлять о перемене своего адреса. Дело следствием продолжать в Твери с тем, чтобы о результатах было сообщено в СО ГПУ».

В мае священники были освобождены и уехали в Тверь. Захват обновленцами церковной власти в Твери под возглавием епископа Александра не состоялся, и последний был переведен обновленцами в Олонецкую епархию, но и здесь на уездном съезде паства отвергла его.

24 июня архиепископ Тверской Серафим направил послание благочинному города Твери протоиерею Василию Владимирскому. «Долгом почитаю уведомить Вас как благочинного, – писал он, – что я, по освобождении гражданской властью из тюремного заключения, вступаю в управление Тверской епархией, а посему по делам прихода города Твери, как и по другим, предлагаю непосредственно обращаться только ко мне. Вам же поручается управление как благочинному всех приходов и церквей города Твери, принимая в общение тех (имеются в виду ушедшие в раскол обновленцы. – И. Д.), кто заявит вам о своем желании и кои останутся или будут верными сынами Православной Христовой Церкви».

Вскоре циркуляр, который архиепископ Серафим выслал благочинным Твери и Тверской епархии, попал в ГПУ, и оно стало требовать от протоиерея Василия дать ответ – на каком основании он считает себя благочинным. Встав на сторону обновленцев, ГПУ все распоряжения епархиальных управлений Православной Церкви почитало нелегальными и незаконными. В своем объяснении протоиерей Василий писал: «Довожу до вашего сведения, что я благочинным назначен не архиепископом Серафимом, а избран на общем собрании духовенства и мирян, бывшем с разрешения Губисполкома 30 июля еще прошлого, 1922 года, когда архиепископа Серафима не было в Твери».

Сразу же после освобождения из заключения Патриарха Тихона и архиепископа Серафима на имя последнего стало поступать множество писем и заявлений от обновленческих священников с просьбой принять их в молитвенное общение, и таким образом, несмотря на поддержку ГПУ и государства, обновленческое движение в Тверской губернии стремительно рушилось, не оставляя никаких надежд на свое восстановление в будущем. Между тем планы гонителей по созданию новой церкви, раскола и уничтожению православия в России были восприняты Тверским ГПУ как государственное задание, требующее неуклонного и скорого исполнения. Но его невозможно было осуществить без решительной поддержки ГПУ в Москве, без новых арестов Патриарха Тихона и его ближайших помощников-архиереев, а также и всех православных епархиальных епископов, но это и для московской власти было непосильно в то время исполнить.

Видя все последствия освобождения архиепископа Серафима для обновленческого движения, Тверское ГПУ 4 июля 1923 года срочно запросило центральный аппарат ГПУ: «Тверьотдел ГПУ просит срочно сообщить: действительно ли освобожден из-под стражи Серафим; если освобожден, необходимо его вторично привлечь к ответственности за издание распоряжений, противоречащих изданному постановлению НКВД о порядке управления Церковью. Кроме этого, вследствие распространения провокационных распоряжений, игнорирующих ВЦС и Тверской ЕС, наша работа по духовенству сводится к нулю, так как попы как города Твери, так и губернии, признавшие ранее постановления Поместного Собора и ВУС, в связи с распоряжением Серафима отказываются от Живой церкви, вставая на его сторону. О принятых вами мерах просим срочно сообщить для согласованности действий и принятия нами мер к лицам, распространяющим распоряжения Серафима».

Через две недели сотрудники Тверского ГПУ, обеспокоенные возвратом многих храмов православным и крушением обновленческого движения, и в то же время не получая никаких разъяснений из Москвы, отправили туда срочное послание, в котором писали: «Между попами началась переписка, направленная: одних с целью наставления отойти от Живой церкви и примкнуть к Тихону, других с просьбами, направленными к тихоновцам, указать путь перехода на сторону Тихона. Попы, примкнувшие к обновлению, продолжают выходить из состава группы, маскируясь различными предложениями, но главная причина – освобождение Тихона, Серафима и других и вступление их в управление Церковью. Губотдел просит дать необходимые указания, так как в настоящее время работа требует некоторых изменений».

Вскоре после освобождения архиепископ Серафим прибыл в Тверь, где встретился с городским духовенством и благочинным о. Василием Владимирским и рассказал им, что хотя в храмах России Патриарха Тихона и поминают везде, но есть случаи, когда местная власть в лице губернских прокуроров издает распоряжения о запрещении поминовения Патриарха, за нарушение которых грозит разными карами. Такие распоряжения уже издали петроградский и новгородский прокуроры. Если таковое распоряжение издаст и тверской прокурор, то пусть духовенство Твери прекратит поминовение Патриарха, но при этом срочно сообщит об этом ему, архиепископу Серафиму, в Москву.

22 августа 1923 года прокурор Твери опубликовал в «Тверской правде» заметку, где писал о недопустимости демонстративного поминовения Патриарха Тихона за богослужением как заведомого контрреволюционера и что таковое поминовение влечет за собой уголовную ответственность. Ознакомившись с заметкой, протоиерей Василий издал распоряжение по городу Твери о прекращении поминовения Патриарха в соответствии с рекомендацией архиепископа Серафима и срочно сообщил ему в Москву о происходящем. Архиепископ Серафим передал о. Василию распоряжение по епархии относительно поминовения Патриарха. Он писал: «Прочитал заметку в газетах. Это не распоряжение власти, а ихние запреты и корреспондентское сообщение. Наши были где следует, а я был у Тучкова в ГПУ, и он сказал, что прокурор петроградский перехватил, и ему послано должное указание. А потому усердно прошу, не прекращать поминовение Патриарха, как и прочих владык».

26 августа благочинный издал распоряжение восстановить поминовение Патриарха, и где оно было прекращено, там духовенство с радостью вернулось к поминовению за богослужением главы Русской Православной Церкви. ГПУ, однако, усмотрело в этом повод возобновить гонения. 1 сентября уполномоченный ГПУ вызвал члена обновленческого Епархиального Совета для дачи показаний по делу поминовения Патриарха. Он показал: «Приблизительно числа 25, присутствуя в нескольких церквях на богослужениях, я обратил внимание, что священники опять начали поминать Тихона. Распоряжение о возобновлении поминовения сделал благочинный Владимирский. Сам Владимирский о поминовении Тихона получил распоряжение из Москвы от епископа Серафима».

В тот же день уполномоченный ГПУ издал постановление: «Начав следственное дело, в качестве обвиняемых привлечь к ответственности священников... как использующих религиозные предрассудки масс в целях свержения советской власти, выразившегося в поминовениях Патриарха Тихона как заведомого контрреволюционера».

4 сентября сотрудники ГПУ арестовали благочинного о. Василия Владимирского и его помощника о. Илию Бенеманского. На вопросы следователя протоиерей Василий ответил:

– Поминовение не производилось приблизительно с неделю. Числа 26-27 августа я получил официальное распоряжение от архиепископа Серафима о возобновлении поминовения Патриарха Тихона и в свою очередь сделал официальное распоряжение духовенству о возобновлении поминовения. Распоряжение о возобновлении поминовения Патриарха я сделал потому, что официального значения записка прокурора не придавал сам, а также получил разъяснение и от своей церковной власти.

– Гражданин Владимирский, поминая Патриарха Тихона в церквях за богослужением, считаете ли вы себя виновным в том, что, поминая Тихона, вы демонстративно выносите ему поощрение как контрреволюционеру?

– Виновным себя в демонстративном поощрении Патриарха Тихона как контрреволюционера не признаю. Поминовение производилось как чествование главы Церкви.

Аналогичные вопросы были заданы о. Илие. Он ответил:

– Я, хотя и состоял помощником благочинного, распоряжений духовенству лично от себя никаких не делал, являясь сам исполнителем распоряжений как рядовой священник. Поминовений не производилось приблизительно с неделю. Числа 27 августа вновь последовало распоряжение от благочинного Владимирского о возобновлении поминовения за богослужением Патриарха Тихона. Являясь опять простым исполнителем распоряжений церковной власти, я вновь приступил к поминовению Патриарха. Официального значения записка губернского прокурора о недопустимости поминовения Патриарха как контрреволюционера я не придавал.

– Гражданин Бенеманский, поминая Патриарха Тихона, известного вам как контрреволюционер, этим торжественным поминовением за богослужением не оказывали ли вы ему, Тихону, демонстративное поощрение как контрреволюционеру?

– Демонстративного поощрения как контрреволюционеру поминовением за богослужением я не оказывал, производя поминовение Тихона как Патриарха – главу Церкви.

На следующий день о. Василий написал губернскому прокурору заявление: «Прочитав в «Тверской правде» от 22 августа сего года Вашу беседу с корреспондентом относительно поминовения Патриарха за богослужениями в церквях, мною, как благочинным, тотчас было сделано духовенству города Твери распоряжение о прекращении поминовения. Приблизительно через неделю было получено распоряжение из Москвы от правящего Тверской епархией архиепископа Серафима, в котором он усердно просил возобновить поминовение Патриарха. Зная, что архиепископ Серафим находится в Москве при Патриархе и, вероятно, по церковным делам имеет частые сношения с гражданской властью, я полагал, что вопрос о поминовении Патриарха, связанный со статьей, помещенной в «Тверской правде», там рассматривался, и я полагал, что, делая распоряжение мне, как благочинному, архиепископ Серафим имел какие-либо данные, а посему усердно прошу сделать распоряжение об освобождении меня из-под стражи».

Отец Илия написал аналогичное заявление: «Будучи арестованным в ночь с 3 на 4 сентября и находясь под стражей при ГПУ по делу о поминовении за

богослужениями Патриарха Тихона, я являюсь простым исполнителем данных распоряжений как рядовой священник, что делали, да быть может и делают сейчас, многие другие священники по Тверской епархии. Полагая, что странным было бы мне отвечать за то, в чем повинны многие, я покорнейше прошу сделать распоряжение о моем освобождении». На этот раз дело было быстро прекращено, и уже через день ГПУ постановило освободить священников.

Не так много прошло времени, как началось новое гонение на православие. И как всегда в этих случаях, находились ненавистники, готовые первыми идти против Церкви. Их было немного, но и один ядом лжи, клеветы и предательства может, когда придет его час, послужить уничтожению многих.

В декабре 1929 года обновленческий диакон дал показания уполномоченному ОГПУ Успенскому против православных священников Твери. В них он писал: «Духовенство города Твери и особенно верхи, которые имеют руководящее влияние, например, священник Бенеманский Алексей, его брат Илия, Куприянов Василий, Владимирский Василий, Троицкие Никандр и Александр, резко контрреволюционны, в чем я убедился из того, что наблюдал с их стороны в их повседневной жизни и в их борьбе против советской власти, а именно: этими лицами и под их руководством остальным духовенством города Твери систематически из года в год производится злостное укрытие доходов от обложения подоходным налогом. Это производится организованно, и кто укрывает, они друг про друга знают, специально по этому вопросу советуются друг с другом и инструктируют неумелых, как надо поступать и как лучше укрывать».

9 марта 1930 года власти закрыли Александро-Невскую церковь, и архиепископ Фаддей, возглавлявший в то время Тверскую епархию, благословил о. Илию служить в храме Космы и Дамиана. Следователь Успенский между тем завел на о. Илию «дело», твердо преследуя цель арестовать священника. 11 марта он вызвал на допрос молодую женщину, машинистку, которая сама в храм не ходила, но жила неподалеку от храма и могла что-нибудь знать. Она показала: «Мне неоднократно приходилось слышать от своих знакомых, что в Александро-Невской церкви служителем культа Илией Бенеманским... с момента выступления папы Римского против СССР произносились поминовения этого папы, что, безусловно, преследовало агитационную цель, так как совершалось публично за церковными службами. Причем перед поминовением папы Илия Бенеманский обращался к присутствующим и объяснял, что сейчас в СССР идет сильное гонение на религию и что на защиту ее выступил глава католической церкви, и призывал молиться за него. Все присутствующие во главе с Бенеманским молились на коленях. Об этом знает Мария Ивановна, фамилию не знаю... адрес сообщу».

В Успенский пост, 16 августа 1930 года, ОГПУ арестовало священника. При обыске ничего компрометирующего не обнаружили, но зато нашли сорок пять рублей мелкой серебряной монетой и за отсутствием более серьезного повода решили воспользоваться находкой, обвинив священника в том, что «он умышленно придерживал у себя разменную серебряную монету, преследуя цель подрыва правильного денежного обращения».

Хотя о. Илие было тогда всего сорок семь лет, здоровье его было основательно подорвано многократными заключениями в тюрьму, и на следующий день после ареста врач вынужден был, осмотрев его, дать справку,

что заключенный «страдает правосторонней грыжей, неврозом, расширением границ сердца, значительным расширением вен голени».

20 августа уполномоченный ОГПУ допросил священника. Он спросил о найденных сорока пяти рублях, о том, платил ли священник налоги, об изъятых у него письмах митрополита Серафима и о рукописной тетрадке «Ответ востязующим», составленной духовенством, находившимся в то время в оппозиции митрополиту Сергию.

Священник на поставленные вопросы ответил: «Обнаруженная у меня серебряная разменная монета в сумме сорока пяти рублей принадлежит дальнему моему родственнику Миловскому Алексею Михайловичу, умершему 13 июня сего года. Бóльшая сумма этих денег, около сорока двух рублей, хранилась мной у меня в спальне в особом ящике, принадлежавшем Миловскому, полтора или два рубля лежали у меня в столе, обнаруженные у меня в уборной серебряные три рубля, принадлежат моей семье, но кто положил их в уборную, я или моя жена, не помню. Мне хорошо известно о тех затруднениях, которые переживает рынок в связи с недостатком разменной серебряной монеты; даже был лично со мной случай в конце июля: при возвращении со службы из церкви меня, как не имеющего разменной монеты, высадили из трамвая, и мне пришлось идти полторы или две версты пешком. Всего налога в 1930 году было уплачено тысячу рублей, еще не уплачено двести пятьдесят шесть рублей. Не обменял я эти деньги, сорок пять рублей, на бумажные купюры, так как они принадлежали умершему Миловскому, который никого, кроме нас, родственников не имеет. При богослужениях о здравии папы Римского не поминал никогда. Для погашения своего налога я по домам с подписным листом не ходил, слов «что все равно у большевиков ничего не будет», «что же с нами дальше будет, если войны не будет» при обложении меня налогом я никогда не говорил. Мое отношение к советской власти вполне лояльное. Обнаруженная у меня при обыске переписка митрополита Серафима Александрова хранилась у меня как у исполняющего должность благочинного города Твери в 1924 и в 1925 годах. Обнаруженный у меня при обыске материал, печатанный на пишущей машинке, «Ответ востязующим» на шестнадцати страницах мне прислали по почте два-три года тому назад в одном экземпляре, я его не распространял, только лишь прочитал сам лично. Кто прислал мне, не знаю... Обнаруженные у меня при обыске книги в числе сорока четырех богословского содержания принадлежали ранее станционной библиотеке, а после их изъятия из обращения предназначены к уничтожению; списав, мне их доставили на квартиру, а большая часть была в библиотеке уничтожена».

Ни первоначального допроса женщины, ни тем более выдержанных и ясных показаний священника было недостаточно для обвинения, и тогда следователь снова допросил её, надеясь, что на этот раз она даст расширенные показания, но она вдруг стала пояснять, что все ее «показания» основаны на слухах и разговорах в продуктовой лавке, и все это говорила какая-то женщина. Следователи вынуждены были разыскать и допросить эту женщину. Оказалось, что она год назад пела на клиросе в Александро-Невской церкви, и следователь стал уговаривать ее, чтобы она показала хоть что-нибудь. Она показала: «В праздник преподобного Сергия и Федоровской Божией Матери, перед иконой последней, во всеобщую священник Бенеманский при чтении акафиста упоминал слова «ея величества императрицы», а затем продолжал упоминать о Федоровской Божией Матери. Стоявший вблизи меня псаломщик этой же церкви (фамилия мне

неизвестна) тут же возмущался на священника Бенеманского за сказанные им слова. В то время в церкви было много народа, лично я припоминаю, была женщина Клавдия (верующая фанатичка) и другие, в лицо я их знаю, а по фамилии не знаю. Я не посещаю церковь около года, до этого ходила часто и слушала проповеди Бенеманского, который говорил о страданиях людей, о гонениях религии как раньше, так и теперь, ссылаясь, что и раньше сжигали образа, а в заключение указывал, что «как религия была, как Бог был, так Он и будет»; этим он указывал на гонение, переживаемое религией в настоящее время. Своими страстными проповедями он публику доводил до слез. Помимо этого Илия Бенеманский у себя на квартире за закрытыми ставнями проводил собеседования среди верующих фанатичек очень осторожно, но о чем они беседовали, мне неизвестно. Но по всему поведению священника Бенеманского видно, что он контрреволюционный элемент, играя на религии, активно тормозит мероприятия советской власти и вредит всяким начинаниям. Примерно в текущем году мой муж в ленинские дни подал заявление о вступлении в партию через печать железнодорожной газеты «На рельсах», в котором он упомянул о своем разрыве с религией, указывая, что «это ложь и обман». Бенеманский воспользовался этим и сказал страстную проповедь, упоминая слова «о христопродавце». Его проповедь сильно повлияла на чувства верующих, из которых очень многие плакали. Об этом мне говорила молодежь, посещающая церковь, и это правда. Фамилия моего мужа Игнатьев Петр Иванович, ранее, до осени 1929 года, он состоял членом церковного совета той же церкви в течение полутора лет».

В тот же день следователь допросил в качестве свидетеля псаломщика церкви Космы и Дамиана. Он показал: «Я с Илией Бенеманским служил в церкви в течение двенадцати лет, он держится обособленно, особенно с того времени, как я вместе с диаконом перешел в обновленчество, в то время Бенеманский отсутствовал, находясь в Москве под арестом. А по приезде обратно он повлиял на приход, который заставил нас перейти обратно к тихоновцам. В то время из-за этого я и диакон были без дела три месяца. Меня лично возмущали выражения, все время употребляемые Илией Бенеманским при служении в церкви при чтении акафиста иконе Федоровской Божией Матери, он постоянно употреблял следующие слова: «Утвердить скипетр державы Российской». Акафист же этот читался еженедельно по вторникам в присутствии тридцати-сорока человек молящихся, а иногда и больше. Помимо этих слов он употреблял при чтении того же акафиста и следующие выражения антисоветского характера: «Радуйся, царей венчание», а с переходом из станционной Александро-Невской церкви в Космодемьянскую, он слово «царей» заменил словом «людей»; перешли мы служить в Космодемьянскую церковь 9 марта 1930 года. Илия Бенеманский при желании мог бы выкинуть эти слова, так как часто читал акафист, но этого не делал, а какая цель преследовалась произносить эти слова, я не знаю, и я ему не говорил об этом, зная, что он отлично понимает, что его могут привлечь к ответственности за эти слова. Имея ораторские способности, он говорил почти каждое воскресенье и праздники проповеди с хорошим подходом и, говоря о страданиях святых, доводил верующих до слез».

25 августа следователь последний раз допросил священника. Что такое тюрьма – страдание или двери в Царство Небесное, у которых стоит Сам Господь? Хочешь «хорошо» жить на земле – отрекись от Христа. Тут, в тюрьме, в нужде и обстоянии, и определялся весь человек, его мера веры и любви ко Господу, и

уяснялось, что всё тлен, всё прах, всё преходит. Тюрьма была данным от Господа подвигом. В таких обстоятельствах, отринув упование на земное, сердце само открывалось Господу, и Господь устраивал в нем Свою вечерю, душа ощущала благодатное присутствие Творца, и с этим счастьем, душевным миром, неизреченным блаженством не могло сравниться ничто земное.

Для о. Илии нетрудным стало заключение, почти привычными за время гонений – стены тюрьмы и решетки. Да и что гонение ему, военному священнику, шедшему вместе с солдатами в бой с крестом вместо оружия. Ему был дан золотой крест на Георгиевской ленте и другие награды за христианское мужество, проявленное в смертельном бою. Не страшась смерти на поле боя, неоднократно быв в узах, он мирно держался и со следователем. На вопросы он отвечал спокойно, не уклоняясь в ненужное и опасное многословие. «В предъявленном мне обвинении я признаю себя виновным в хранении серебряной разменной монеты; в умышленном придерживании этих денег не признаю вины; также не признаю себя виновным в проведении антисоветских идей в проповедях, так как последние были чисто религиозного содержания; при чтении акафиста еженедельно по вторникам я слов «об утверждении скипетра державы Российской», «об утверждении царства и о венчании царей» не произносил, а произносил, насколько помню, «об утверждении царства», а других выражений не произносил, так как эти выражения мной в акафисте зачеркнуты».

5 сентября 1930 года Тройка ГПУ приговорила священника к трем годам заключения в концлагерь на Соловках. Отец Илия из Тверской тюрьмы был отправлен в пересыльную тюрьму Петрограда, а оттуда этапом в Соловецкий концлагерь, где ему предстояло пробыть весь срок заключения.

Через три года о. Илия вернулся на родину в Тверь. Большинство храмов к тому времени было закрыто, служить было негде, и архиепископ Фаддей благословил вернувшегося из Соловков исповедника, которого он знал как выдающегося священника, цвет и украшение Церкви, служить в храме иконы Божией Матери Неопалимая Купина, где служил в то время и сам.

Пять лет служения в храме промелькнули как один день. Несмотря на гонения, преследования и угрозы, сама возможность служить Божью службу и совершать таинства покрывала все. Церковь и храм среди бушующих волн злого моря житейского стали местом обетованным, раем земным. И сам храм на холме, среди кладбища, отделенный от города полем и Волгой, был как скит.

В декабре о. Илие исполнилось пятьдесят четыре года, из которых тридцать три были посвящены служению Церкви и родине. И мог бы еще послужить, но воля Божия предлагала иной путь спасения.

Снова начались гонения. Всю осень 1937 года шли аресты. В ночь со 2 на 3 ноября были арестованы священники Илия Громогласов и Николай Маслов, в ноябре сотрудники НКВД арестовали родственника о. Илии, протоиерея Алексея Бенеманского, много раз бывшего в ссылках и заключениях. Отец Илия, видя, как разоряются и опустошаются храмы и арестовывают священников, понимал, что скоро и его черед. Но не приходило в голову и сердцу было чуждо – оставив храм и паству, бежать.

Теперь надо было готовиться к худшему. Опустел чудный храм, где столько лет служилась служба под покровом Матери Божией: 20 декабря был арестован архиепископ Фаддей, через три дня власти арестовали протоиерея Илию Бенеманского и келейницу владыки Веру Васильевну Трукс.

В арестах 1937 года обновленцы сыграли ту же роль «судебных убийц», что и в начале двадцатых годов в лице своих руководителей Александра Введенского и Владимира Красницкого, явившись пособниками арестов православных архиереев и духовенства.

22 ноября обновленческий священник Василий Сопрыкин лжесвидетельствовал перед уполномоченным НКВД: «Знакомыми мне в Калининне являются лица исключительно среди духовенства, поскольку я сам являюсь тоже духовным лицом. Среди духовенства тихоновской ориентации моими знакомыми являются следующие лица: архиепископ Фаддей (Успенский И.В.), Бенеманский Илья Ильич, Маслов Н.И., Громогласов И.Н. – три последних лица являются священниками церкви Неопалимая Купина. Кроме того, священник Бенеманский Алексей Константинович, Садовников Василий Гаврилович, бывший иподиаконом архиепископа Фаддея, активный церковник Иван Иванович Пирогов и Иван Морошкин – священник единоверческой церкви, и активная церковница Вера Васильевна Трукс.

По приезде в город Калинин в начале 1937 года меня назначили настоятелем Волынской церкви, эта церковь является обновленческой ориентации, но рядом с ней находится единоверческая церковь – тихоновской ориентации. За короткое время я, наблюдая за деятельностью служителей религиозного культа, тихоновцами, узнал, что там собираются люди с определенными целями и задачами, то есть с определенной антисоветской целью, прикрываясь религиозными делами».

27 декабря обновленческий диакон храма Белая Троица лжесвидетельствовал о священнике Илие Бенеманском и других православных священниках: «Мне известно, что Илья Ильич Бенеманский, Иван Николаевич Морошкин и Александр Петрович Богданов между собой тесно связаны и проводят в своих церквях, используя свой сан служителей культа, пропаганду антисоветских убеждений, высказывая их публично массе верующих. Мне известен факт, происшедший в церкви Неопалимая Купина 20 декабря 1937 года, когда во время отпуска, то есть при окончании службы, Илия Бенеманский во всеуслышание поминал как святых всех великих князей и княгинь с полным их титулованием, показывая политическую подкладку, напоминая о прежней жизни при монархии. При чтении молитвы при молебне Бенеманский избирает явно такие молитвы, которые в политическом отношении по своему содержанию являются контрреволюционными, как например, молитву преподобному Нилу, в которой верующих призывают на борьбу против врагов религии и монархического строя. В молитве говорится «видимых и невидимых врагов и супостатов». В церкви Неопалимая Купина подбор прихожан сделан исключительно из изысканного прежнего общества в лице бывших офицеров, купцов и разных чуждых элементов, то есть церковь является по существу сборищем контрреволюционных сил и очагом контрреволюционной агитации».

В тот же день священник-обновленец храма Белая Троица Тимофей Колесников лжесвидетельствовал: «С Ильей Ильичом Бенеманским я знаком с 1935 года. Познакомился я с ним у него на квартире, куда я приходил по делу о приглашении его перейти в обновленчество. В разговоре со мной Бенеманский категорически приглашение отклонил и высказался по этому вопросу в антисоветской форме. На мое предложение он заявил: «Я удивляюсь, кто вас послал ко мне с таким гнусным предложением. Я предателем православной веры быть не могу и угождать советской власти, как обновленцы, не желаю.

Обновленчество – это враждебное религии течение и направлено на погибель религии. Я враг этого». После данного разговора Бенеманский попросил меня оставить его дом и больше не являться к нему. Встреч с Бенеманским у меня лично не было, но из рассказа одной из прихожанок мне известно, что Бенеманский среди своих прихожан ведет систематические высказывания своих контрреволюционных измышлений о гибели советской власти и в церкви производит поминовение во время службы о здравии и спасении заключенных и страждущих в тюрьмах в Советском Союзе. Кроме того, допускает молитвы на богослужении о даровании победы православным христианам над супротивными. Бенеманский среди верующих производит сбор в помощь заключенным врагам народа. Также из разговоров мне известно, что Илия Бенеманский имеет тесную связь со священниками Громогласовым и Масловым, осужденными за контрреволюционную деятельность, а также со священником Морошкиным и диаконом Богдановым, которые также допускают открытые выступления контрреволюционного характера в церкви во время службы. Мне также известно, что указанные Бенеманский, Морошкин и Богданов группируются вокруг прислужницы бывшего архиепископа Трукс Веры Васильевны, которая является связующим звеном с Фаддеем Успенским, который продолжает нелегально руководить через Трукс всей Калининской епархией».

В тот же день следователь НКВД, имея в своем распоряжении лжесвидетельства обновленцев, допросил о. Илию Бенеманского. Как всегда, желая, чтобы сам человек дал против себя и других показания, он спросил:

– Назовите фамилии ваших знакомых в городе Калинине и других городах и характер вашей с ними связи.

– Знакомых у меня никого нет, и называть мне некого.

– Вы говорите ложь. Следствие настаивает назвать ваших знакомых.

– Я могу назвать своих сослуживцев по церкви, но знакомства у меня с ними близкого нет.

– Назовите фамилии ваших сослуживцев.

– Сослуживцами моими являлись священник Илия Михайлович Громогласов, священник Борис Иванович Забавин, священник Николай Иванович Маслов, диакон Преклонский – все они служили в церкви Неопалимая Купина за Тверцой.

– Вы знакомы с бывшим архиепископом бывшей Тверской епархии Фаддеем (Успенским Иваном Васильевичем) и его доверенной Верой Васильевной Трукс и каковы у вас с ними взаимоотношения?

– Да, архиепископ Фаддей и Вера Васильевна Трукс мне знакомы, но знакомство у меня с ними было чисто официальное, и никаких других связей у меня с ними не было, кроме служебных, так как я служил священником, а Фаддей архиепископом, и мне приходилось к нему обращаться по служебным вопросам. Веру Васильевну Трукс я хорошо не знаю, так как разговаривать мне с ней не приходилось, о ней я знаю, что она является приближенным лицом к архиепископу Фаддею.

– Вы арестованы как активный участник контрреволюционной церковно-монархической организации, существовавшей в городе Калинине. По заданию руководства этой организации вы проводили контрреволюционную деятельность. Признаете вы себя виновным в этом?

– О существовании контрреволюционной церковно-монархической организации мне неизвестно, и участником ее я не являюсь, и контрреволюционной деятельности я никакой не проводил.

– Вы, являясь активным участником данной контрреволюционной организации, среди духовенства и социально чуждой среды населения проводили вербовку в эту организацию. Признаете ли вы это?

– Нет, это я за собой не признаю.

– Вы с целью контрреволюционной монархической агитации в своей церкви обновили путем подкрашивания и промывки иконы, изображавшие бывших князей (именуемых святыми), тогда как другие иконы оставлены без этого; и на службах церковных особенно выделяли поминовение этих князей. Признаете это?

– Согласно договору церковь должна быть в порядке, поэтому хозяйственный коллектив в порядке ремонта помещения произвел промывку икон в церкви и всех стен, поэтому возможно, что и были иконы каких князей промыты; я лично знаю, что кроме благоверного князя Михаила Тверского, изображений других князей в церкви нет. На церковных службах я поминал только князя Михаила Тверского, а других князей я не поминал.

– Вы систематически среди населения проводили контрреволюционную агитацию, направленную на срыв мероприятий советского правительства. Признаете вы это?

– Контрреволюционной агитации я нигде и никогда не проводил.

На допросах о. Илия держался спокойно и достойно, ему не о чем было волноваться и не было повода печалиться. Ему было куда спокойнее, чем допрашивавшему его следователю. В понимании того, что наступил его крестный час и, может быть, самый главный момент в его жизни, когда решался вопрос жизни вечной, было хорошо, благостно и радостно, что столь велика милость Божия, что и за малое терпение в течение всего лишь нескольких дней Господь открывает райские двери; за ничтожное, малое и временное даруется вечное. И потому, выслушав, что следователь записал из его ответов, священник с сознанием полноты исполненного долга поставил свою подпись под протоколом. И не было и тени смущающих душу сомнений.

Тройка НКВД приговорила священника к расстрелу 29 декабря – до того как было составлено обвинительное заключение. Священник Илия Бенеманский был казнен в тот же день, что и архиепископ Фаддей, – 31 декабря 1937 года.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Книга 3». Тверь. 2001. С. 566-584